

УДК 659.145.4+81'42

«МУСКУЛАТУРА РЕПОРТАЖА»: КИНЕСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕКСТУАЛИЗАЦИИ

Б. Я. Мисонжников

Санкт-Петербургский государственный университет
кафедра периодической печати

Рассматривается репортаж как актуальный жанр журналистики, его онтологическая сущность, роль репортёра – субъекта текстотворчества, его деятельность от замысла до воплощения материала в произведении. Главное внимание уделяется кинестетическому аспекту текстуализации, что с наибольшей полнотой соотносится с методом включённого наблюдения, когда автор становится участником действия. Исследуются аспекты непосредственного соприкосновения автора с действительностью, погружения в неё, что обуславливает в процессе создания текста высокий уровень перформативности.

Ключевые слова: *репортаж, дискурс, текстообразование, актёр, иллюзия, кинестетический аспект, перформативность*

После своей реабилитации репортаж, который советскими идеологами был осуждён и фактически запрещён как «буржуазная» форма текстуализации, приблизительно с конца 50-х гг. прошлого столетия становится одним из самых востребованных газетных жанров. Период «оттепели», отмеченный духовной раскрепощённостью и романтикой новых свершений, с наибольшей полнотой отразился именно в репортаже с его поразительной динамикой, порой головокружительной по смелости методологией сбора материала, яркостью ситуаций и характеров героев. Журналисты по достоинству оценили этот жанр благодаря его многим качествам – силе стилистической выразительности, прямому воздействию на аудиторию и, наконец, действенности, высокой мобилизующей энергии в лучших его образцах.

Е. И. Рябчиков писал: «Есть неуёмное, стремительное, презирающее покой и сон журналистское племя – репортёры. Кто сейчас, в эти минуты, кочует по дальним землям, летит с летчиком-испытателем в кабине нового самолёта, опускается в подводной лаборатории на дно моря? Репортёр. Кто, накинув на плечи белый халат, входит с хирургом в операционную? Кто, сидя с трактористом, прокладывает борозду на целине? Репортёр. Кто стоит за рулём корабля, на время овладев профессией матроса? Кто наблюдает сейчас за тренировками будущих космонавтов? Репортёр.

Репортёр – рыцарь информации. Он должен многое знать, многое видеть, уметь быть на месте важных событий...

Репортёр работает с часами в руках: его ждут линотипы и ротации, микрофоны и телекамеры.

Срочно! В номер! В эфир! – девиз репортёра.

Каждая эпоха выбирает свой жанр. Наша эпоха взяла на вооружение боевой, сиюминутный, всепроникающий репортаж.

Репортаж – космическая ракета информации, её флагманский жанр.

С первых дней Октября история революции стучит телеграфным ключом в репортажах: быстрее! скорее! срочно! Репортаж – это только что увиденное в жизни событие мгновенно осмысленное, написанное, напечатанное или переданное в эфир. Быстрота – мускулатура репортажа, его стальная пружина. Опоздание – гибель» [10, с. 15].

Здесь особенно отчётливо представлено одно из самых главных свойств репортажа – его динамизм. Но это динамизм не энтропийного характера, не спорадический и стихийный, а строго интенционализированный, упорядоченный. Носителем динамического начала выступает уже сам создатель произведения – журналист. Репортёру обязательно свойственны высокая эвристичность, когнитивная активность, подвижность, стремительность в освоении материала и даже субъектность в конструировании самой репортажной ситуации: автор порой выступает как постановщик сцены, моделирует сюжет, например, при использовании метода включённого наблюдения. В этом случае журналист станет не просто отстранённым наблюдателем за тем, что происходит, но участником события в полном смысле этого слова, и «на бумагу лягут его переживания и впечатления» [5, с. 32–33]. Репортёр практически всегда включается в пространство «театрализованного» представления совместно с ньюсмейкерами, другими героями будущего произведения и читателями – «журналист как бы примеряет на глазах собеседника свою маску, вынуждая его сделать то же самое, соответствовать моменту. <...> Собственно, маски – это тон, который избирается, это интонационное решение беседы: поучающее, почтительное, напористое или какое иное» [12, с. 139]. Репортёр оказывается в центре этого «представления» на правах протагониста, фактически первого лица: «сообщающая фигура в репортаже ведь присутствует постоянно; она является постоянно собеседующим медиумом между комплексом фактов и читателем» [13, с. 66].

Таким образом, репортёр уже на этапе сбора материала не просто погружается в стихию событий и фактов, но выступает активным субъектом происходящего, вносит элементы авторизации в ещё только зарождающийся репортажный дискурс. Благодаря авторской индивидуальности – а порой и уникальности – это придаёт репортажному дискурсу особую неповторимость, выразительность, оригинальность и самобытность. Репортёр наделён, прежде всего, значительным правом выбора: он может пройти мимо, казалось бы, важного в социальном отношении события, а может, наоборот, обратиться к явлению, на первый взгляд, совершенно пустяковому. Именно на этом этапе уже начинается текстотворчество; репортёр отнюдь не произвольно следует своим предпочтениям, его ведут не каприз, не власть случая, а дискурсивный, логически взвешенный подход – хотя интуитивный, разумеется, используется тоже, – т.е. автор делает это ради зарождающегося текста, сообразуясь с законами текстуализации. Иначе говоря, можно выделить и «определить текстостроительную функцию авторизации» [3, с. 5] в дискурсе, причём, что касается её субъективной составляющей, сюда можно отнести «первичный авторский замысел, конкретизирующие его части, способы такой конкретизации, поскольку любая деятельность, в том числе текстовая» [3, с. 6], предусматривает

логическую конкретность целеполагания, выверенность и безусловную последовательность в формировании компонентов текстуализации.

Ошибочным будет мнение, которое сводит участие автора репортажа исключительно к созданию основного корпуса текста. Репортёр не остаётся равнодушным к тому, как будут реализованы паратекстовые требования, его волнует даже место в номере газетного или журнального издания, в котором будет размещено произведение, – есть репортаж первополосный, а есть и предназначенный для публикации на внутренних полосах. Поскольку в данном случае речь идёт о печатном издании, то следует учитывать, что, по мнению Л. Г. Викуловой, «семиотика печатного текста проводит границу между миром чудесных событий и миром реальным, типографский пробел, графическая пауза, отражает намеренное дистанцирование между *conte* (тем, что рассказывается) и *discours* (процессом рассказывания)» [2, с. 19]. Репортёр воссоздаёт картину бытия всеми доступными средствами: основной текстовой корпус помещается в онтологически сложную и креативно яркую обложку, как бы в графически-вербальный паратекстовый кокон, и «в парадигму авторского паратекста входят такие маркёры дискурсивной активности... как моралите (возможные нравственно-назидательные фрагменты непосредственно репортажа или предуведомления в виде вкладки. – **Б. М.**), посвящение, послание, имя автора, заглавие, подзаголовки, оглавление (если это книжный или журнальный вариант репортажа. – **Б. М.**), предисловие» [2, с. 16].

С одной стороны, репортёр выступает как наблюдатель и констататор события, он подчиняется фактуальности мира и фиксирует то, что есть. Говоря другими словами, «наблюдатель за миром имеет в этот мир лишь перцептуальный доступ; он не контролирует развитие данного мира, не участвует в его конструировании. Наблюдение как когнитивная деятельность может сопровождаться дискурсивной фиксацией воспринимаемых наблюдателем явлений и событий или дискурсивным мониторингом мира. Типичным наблюдателем, осуществляющим дискурсивный мониторинг мира, является, в частности, автор новостного дискурса; к нему присоединяются другие наблюдатели – читатели и слушатели новостей» [1, с. 8–9]. С другой стороны, мало кто, как репортёр, может смоделировать – но лишь до момента констатации – репортажную ситуацию и потом представить её в материале. Это может быть, однако, лишь до констатации события и создания текста. Именно текст – главный императив творческого акта и всего поведения субъекта. Разумеется, не лишены основания доводы, исполненные пафоса и касающиеся гражданского и профессионального долга журналиста, но и эти максимы реализуются исключительно через текст.

В процессе уже непосредственного создания текста происходит порождение репортёром актора – отвлечённого концепта, очеловеченной фигуры, в своём развитии обретающей черты персонажа, через которую можно в семантическое текстуальное пространство произведения внедрять нужные модели мышления и действия. В репортаже актор – это одновременно и объект повествования и субъект развития внутреннего действия. Через него воссоздаётся «Я – дискурс», с помощью которого формируется «новая коммуникативная реальность или реальность второго порядка – это реальность, которая выражена в языке и посредством языка и является элементом дискурса» [9, с. 57].

В приведённом выше высказывании Е. И. Рябчикова выражение «мускулатура репортажа» [10, с. 15] манифестируется явно метафорически, но оно в то же время обретает реальную конкретность, если мы ведём речь о кинестезии, подразумевая под этим «мышечное чувство», свойственное репортажу. В лучших своих проявлениях, а именно в тех репортажах, материал для которых собирался методом включённого наблюдения и в которых актуализированы яркие социогенные элементы, кинестезия начинает даже доминировать. Всё подчинено действию, которое становится главной нарративной силой. Иллокутивный эффект может возрастать или уменьшаться, но само речение становится действием. Высокий уровень текстовой прагматики реализуется не только на уровне репортёрской практики, но и на уровне поведения актёра: он непосредственно вступает в контакт с семиотическими комплексами в пространстве своей второй реальности, но эффект от этого не становится меньше. Таким образом, перформативность репортажа оказывается сложно организованной, многоаспектной, результирующей величиной целой совокупности факторов. Это объясняется тем, что «перформативные высказывания обладают свойством “аутореферентности”... проявляющейся в том, что высказывание одновременно является и языковым фактом (т.е. фактом говорения), поскольку его произносят, и фактом реальной действительности, так как в говорении осуществляется действие, которое становится тождественным с высказыванием о действии» [8, с. 42].

Природа репортажа всегда диалогична: произведение может содержать собственно диалогические формы как факт прямой интеракции – главным образом общение актёра, выступающего в качестве персонажа, с другими персонажами, но могут быть и усложнённые формы развития внутренних диалогов, причём данные транзакционного анализа свидетельствуют о том, что субъект может пребывать в нескольких совершенно различных эгосостояниях в связи с соответствующей ситуацией. Есть ещё диалоги того или иного уровня имплицитности: между персонажами с исключением участия актёра или между актёром и Богом, актёром и читателем, актёром и животным или даже неодушевлённым предметом. Во всяком случае, «во фреймовой организации (конфигурации) диалогического пространства любого вербально-авербального комплекса кинестетические действия могут выступать не только в качестве дополнительных маркёров иллокутивности (“иллокутивной силы” или “иллокутивного потенциала”), но и, размещаясь в коммуникативно-социальном пространстве диалогической интеракции, взаимодействовать с иллокутивной функцией конкретного речевого действия в пределах типового комплексного коммуникативного акта» [6, с. 14]. Диалогическая экзистенция репортажа предусматривает множественность кинестетических вариаций: «подчёркивание, уточнение, снятие противоречивости и сомнений во взаимоотношениях партнёров по диалогу, демонстрация доверительных отношений, проявление чувств солидарности, близости, открытости» [6, с. 4] и многое другое.

Интересно попытаться воссоздать своеобразный алгоритм трансформации отражённой реальности через авторское видение, поскольку «в репортаже авторское Я есть Я репортёра, что определяет личностную форму повествования и связано с точкой зрения, – если точнее, в данном случае с точкой видения, так как событие именно увидено глазами определённой речевой лич-

ности» [11, с. 66]. Объектом внимания репортёра обычно становятся люди, представленные в различных – зачастую в особых, даже экстремальных, – ситуациях, с их индивидуальными формами поведения, с их кинесикой, т.е. «совокупностью значимых жестов, мимических и пантомимических движений» [4, с. 45]. Это репортёром запоминается, может очень сильно врезаться в его память и стать в определённом случае даже эмоциональной доминантой, обусловив эффект кинестезии. При написании материала репортёр может исключительно ярко переживать увиденное, и этот элемент имажинативной паралингвистики может значительно повлиять на всю структуру журналистского произведения, его сюжетопостроение, стилистику, дискурсивную основу и принципиально важные выводы. Весь внешний кинестетический опыт сконцентрируется во внутреннем, станет решающим элементом текстуализации. Репортёр воссоздаёт фрагмент картины мира, показывая субъектов в активном действии, воспроизводит модель поведения людей и своего собственного, особенно если материал собран методом включённого наблюдения. В данном случае реализуется классическая перформативная парадигма: «говоря о том, что я делаю, я тем самым совершаю это самое действие» [7, с. 264].

Репортаж, будучи ориентированным на репрезентативность события, наглядность в его описании, в то же время, достигая, как правило, достаточно высокой перформативности, всем своим содержанием, организацией текстового пространства апеллирует к действительности, превращая это в конституирующий признак. Поэтому можно говорить о предикативности данного жанра, особом конструировании текста, соотношении его семантики с временным планом действительности, отражающемся в деятельностных и сущностных парадигмах его развития.

Список литературы

1. Боровикова, К. В. Дискурсивный мониторинг мира говорящим/пишущим как наблюдателем (на материале спортивных репортажей в современных англоязычных средствах массовой информации) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / К. В. Боровикова ; Иркут. гос. лингв. ун-т, каф. англ. филологии. – Иркутск, 2007. – 22 с.
2. Викулова, Л. Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Л. Г. Викулова ; Иркут. гос. лингв. ун-т, каф. франц. яз. – СПб., 2001. – 30 с.
3. Гричин, С. В. Текстостроительная функция авторизации [Текст] / С. В. Гричин // Вестник Томского гос. ун-та. – Сер. «Филология». – 2010. – № 4. – С. 5–14.
4. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации [Текст] : краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 256 с.
5. Комболин, Ю. И. Некоторые аспекты информационного обеспечения репортажа [Текст] / Ю. И. Комболин // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса) : сб. науч. тр. ; отв. ред. Б. Я. Мисонжников. – СПб. : СПбГУ, 1997. – С. 32–37.
6. Мальшева, Е. В. Регулятивная характеристика комплексных вербально-кинестетических действия в английском диалоге [Текст] : автореф. дис. ...

- канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Мальшева ; Твер. гос. ун-т, каф. общего и классического языкознания ; Твер. гос. сельхоз. академия ; каф. теории языка и межкульт. коммуникации. – Тверь, 2011. – 24 с.
7. Остин, Дж. Три способа пролить чернила [Текст] : Философские работы / Дж. Остин.– СПб. : Алетейя : Изд-во СПб. ун-та, 2006.– 335 с.
 8. Романов, А. А. Притяжение перформатива [Текст] : очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней / А. А. Романов, Л. А. Романова. – М.-Тверь : Институт языкознания РАН : Агросфера, 2009.– 156 с.
 9. Романова, Л. А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка [Текст] / Л. А. Романова. – М. : Институт языкознания РАН, 2009.– 156 с.
 10. Рябчиков, Е. Из репортёрского племени [Текст] / Е. Рябчиков // Журналисты рассказывают : сб. ст. ; ред.-сост. Ю. Юров. – М. : Советская Россия, 1974. – С. 15–32.
 11. Фещенко, Л. Г. Редактирование текста газеты: жанровый аспект [Текст] : учеб. пособие / Л. Г. Фещенко. – СПб. : Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2004.– 76 с.
 12. Шостак, М. И. Репортёр: профессионализм и этика [Текст] / М. И. Шостак. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 1999. – 192 с.
 13. Schlenstedt, D. Egon Erwin Kisch: Leben und Werke. – 2. Aufl. – Berlin : Volk und Wissen, 1970. – 104 S.

“MUSCULATING OF REPORT”: KINESTHETIC ASPECT OF TEXTUALIZATION

B. Ya. Misonzhnikov

St.-Petersburg State University
Periodical Press Department

We consider the report as a topical genre of journalism, its ontological essence, the role of a reporter as a subject of text creating, his activities from the concept to the realization of the material in the article. The main attention is paid to kinesthetic aspect of textualization, which most fully corresponds to the method of participant observation, when the author becomes the part of the participants. We investigate aspects of direct contact with the reality of the author, dive into it, resulting in the creation of text, a high level of performativity.

Keywords: *reportage, discourse, text creating, actor, illocution, kinesthetic aspect of performativity*

Об авторах:

МИСОНЖНИКОВ Борис Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Научная библиотека ТвГУ